

УДК 94 (477); ББК 63.3(2)52; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2022.202>

М. В. Лескинен

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ МАЛОРУСОВ И БЕЛОРУСОВ В ВИЗУАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Реконструкция визуальных образов различных этноконфессиональных групп Российской империи осуществляется в российских социокультурных исследованиях относительно недавно¹. Она включается в историю народоведения / этнографии, в имагологические штудии, историю этнокультурных предубеждений в российском общественном сознании. Научный интерес вызывают, с одной стороны, произведения «высокого искусства» (живопись, графика, скульптура), а с другой – продукция массового спроса: лубки, плакаты, афиши, открытки, книжные и журнальные иллюстрации, карикатуры. Несомненно, визуальные этнические образы второго типа соотносятся с этническими стереотипами в русской культуре того же времени, отражавшимися в литературе, публицистике, научном народоведении, учебниках, и транслировавшимися через их посредничество в социальные представления. Комплекс таких устойчивых, часто клишированных изображений определенных групп (сословных, этнических и других «типов») можно рассматривать как репрезентации, в которых выделяется ряд характерных константных черт, признаков, повторяющихся сюжетов и атрибутов. В них также обнаруживаются проявления неофициальной иерархии народов Российской империи.

¹ К сожалению, в рамках данной статьи мы не имеем возможности остановиться подробнее на характеристике историографии, посвященной историко-культурному анализу визуальных этнических образов, а также важнейшим дискуссиям о методологии визуальных репрезентаций этничности. Нельзя не упомянуть, однако, пионерской для отечественной науки (как с точки зрения предмета исследования, так и методологии) монографии Е. А. Вишленковой (*Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому»*. М., 2011).

Рассмотрим некоторые особенности визуальных этнических репрезентаций малорусов и белорусов в массовой культуре 1860-х – 1900-х гг. Эти образы, рассчитанные на самые широкие социальные слои, позволяют выявить отличительные особенности и тенденции, которые можно трактовать как этнокультурные стереотипы двух «отраслей» русского народа. В данной статье остановимся на двух аспектах и представим предварительные заключения о тенденциях визуальных репрезентаций *этнических типов* белорусов и малорусов в указанный период².

Начиная с середины XIX в. на создание этнических образов влияли, во-первых, способности и традиции описания этнографических объектов, сложившиеся в романтической литературе, травелогах и в народоведении второй четверти столетия. Во-вторых, совокупность уже существовавших изображений жителей Российской империи в зарубежных и российских этнографических альбомах и изданиях, где главными этноидентификационными признаками оставались костюмы. В-третьих, не подвергавшаяся критике вплоть до начала XX в. концепция национального характера как объективного этнического признака, который находит отражение в том числе и во внешних проявлениях.

В официальной российской классификации восточные славяне именовались «русским народом», состоящим из трех «ветвей» («отраслей»): великорусов, малорусов и белорусов. Два последних занимали центральное место в этнографической, но не в политической и цивилизационной иерархии народов Империи. При этом малорусы и белорусы к середине столетия были изучены в разной степени. В первой половине XIX века в русской культуре был значителен интерес к Малороссии и малороссам – полемика о сходстве и различиях великороссов и малороссов находилась в центре теорий этногенеза русских, касалась истории государственности России и интерпретации свойств «народности русской».

ЭТНОСТЕРЕОТИПЫ «ВЕТВЕЙ» РУССКОГО НАРОДА В ОБРАЗОВАННЫХ КРУГАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ К СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Основные этнокультурные стереотипы малорусов / украинцев и белорусов сложились к 1860-м гг. и сохранялись вплоть до начала XX в.³ в научной, учебной, попу-

² В данной работе мы не будем затрагивать вопрос (несомненно, важный) о значениях различных вариаций этнонимов. В подписях к изображениям использовались главным образом производные от топонима «Малороссия», такие как: «малоросс» / «малороссы»; «малорус» / «малорусы»; «малороссиянин» / «малороссиянка» / «малороссияне», а также «хохлушка», «украинка», – те же, что преобладали и в научных нарративах. Отметим, что использованные в статье в качестве этнического определения понятия «малороссы» / «малорусы» условны, они выбраны из-за наибольшей частотности употребления в российской этнографической литературе изучаемой эпохи и в подписях к изображениям. Во втором случае трудно определить, выбран ли термин в качестве этнонима или же обозначает регион проживания. В современных украиноязычных публикациях, упоминающих термины визуальных источников, часто осуществляется перевод («малорус» и «хохол» в переводе становятся «украинцем»), то есть происходит замена начального аутентичного названия (впрочем, часто незадокументированного в однозначном виде), что также затрудняет интерпретацию.

³ Об этом см., в частности: *Левкиевская Е. Е.* Стереотип украинца в русском сознании // *Украина и украинцы: Образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии* / Под. ред. Е. Ю. Борисенко, С. С. Лукашовой. М., 2008. С. 154–176; *Лескинен М. В.* 1) Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины

лярной литературе, в беллетристике и публицистике⁴. «Малороссийская тема» была весьма востребована читателями 1830-х – 1840-х гг. Этнографические особенности малорусской культуры были знакомы российскому обывателю в первую очередь по литературным произведениям, среди которых значительное место занимали сочинения Н. В. Гоголя, Е. П. Гребёнки, В. Т. Нарезного, Г. Ф. Квитки-Основьяненко, Т. Г. Шевченко и др. Русские авторы создавали образ Малороссии как «русской Шотландии». «Малороссийский народ» предстал в крестьянской ипостаси, выступая хранителем традиций славянской и русской старины, верований, идеалов и норм патриархальной жизни, утерянных в «великороссийской» среде с петровскими преобразованиями и просвещением.

В основе образа щедрого и доброго «хохла» лежало восприятие Малороссии как утопического топоса, как «русской Аркадии», края плодородия и изобилия, «земли, текущей медом и молоком». Это рождало образ народа сытого, довольного, веселого и добродетельного. «Много есть деревень на свете, но под кротким небом Малороссии всякая деревня есть сокращенный эдем, где иногда недостаёт только добродетели и чувствительного сердца, чтобы людям быть совершенно блаженными», – писал в своем сочинении Иван Григорьевич Кулжинский⁵. Устойчивым романтическим стереотипом становится также идеализированный образ южанки-малороссянки – яркой красавицы, пленительной, всегда темпераментной и энергичной, – в соответствии с известным романтическим противопоставлением «нравов» северных и южных народов. Ее характерными чертами были черные глаза, темные волосы, смуглая кожа, румянец и бойкость.

Основные стереотипы вписывались в научно обосновываемую концепцию различения цивилизационных статусов малоруса / украинца и великоруса – его «культурного», «цивилизованного» «старшего брата», который просвещен и находится на иной ступени исторического развития. «Младший» остался в прошлом, будучи погружен исключительно в сельский и уездный быт, сохраняя верность давнему укладу и нормам жизни. Однако в этом обнаруживаются нравственные преимущества малоруса: он

XIX в.: Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа // Украина и украинцы: Образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии / Под ред. Е.Ю. Борисенко, С. С. Лукашовой. М., 2008. С. 67–94; 2) «Малороссийская народность» в российской науке второй половины XIX в.: Проблемы этнографического описания // Русские об Украине и украинцах / Отв. ред. Е. Ю. Борисенко. СПб., 2012. С. 244–283; *Киселев В. С., Васильева Т. А.* «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: Конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII – начала XIX в. // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 502–510; *Рябчук М.* Русский Робинзон и украинский Пятница: Особенности «асимметричных отношений» // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 447–470; *Толочко А. П.* Россия «открывает Украину» // Толочко А. П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012. С. 47–134; *Васильева Т. А.* У истоков украинофильства: Образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX в.: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2014.

⁴ Здесь мы не будем касаться традиционных народных стереотипов, бытовавших в крестьянской великорусской среде, и представлений, сформировавшихся в официальном властном дискурсе в процессе борьбы с украинофилами.

⁵ *Кулжинский И. Г.* Малороссийская деревня. М., 1827. С. V.

сохраняет свойства детской неспорченной природы, простодушие и неискушенность. Его «чистота» соотносится с природной патриархальной честностью и с архаично-идеализированными социальными отношениями. «...С одной стороны, малороссы являются... древним народом, и мечты о прошлом, которым они предаются, заставляют их, быть может, несколько пренебрегать настоящим и тем прогрессом, которое оно приносит, а, с другой, – земли, которые они населяют, благодаря южному расположению и значительным ресурсам наверняка в будущем приведут их к процветанию», – отмечалось в «Этнографическом описании народов России»⁶.

Одна из важнейших особенностей описания малороссов / украинцев, как заключает Е. Е. Левкиевская, связана с формированием еще в конце XVIII – начале XIX в. «комичности как принципа изображения украинца с точки зрения “цивилизованного” человека (с которым ассоциирует себя русский читатель). ...Следует упомянуть характеристики “второго плана”: национальный облик (...венки с лентами как принадлежность облика “дивчины”, папах – принадлежность облика “парубка”), особенности одежды (включающую неизменную вышитую рубаху, штаны *a la* Тарас Бульба, монисто – для женщин), особенности поведения...»⁷. При этом малороссы представляли людьми, обладающими чувством юмора, мягкого и беззлобного.

В отличие от сторонников национально-патриотического направления и украинофилов, считавших запорожских казаков историческими предками малороссов (прежде всего в области социально-политических традиций) и воплощением украинского этнокультурного типа⁸, в российском этнографическом дискурсе малороссы соотносились исключительно с крестьянством – в науке господствовало убеждение в том, что только оно сохраняет характерные антропологические черты этноса, его материальную культуру, традиции, обычаи, нравы. Поэтому объектом этнографического изучения общества с развитой сословной структурой были прежде всего социальные низы.

Стереотип белорусов к середине XIX в. в русской культуре сложился лишь в общих чертах. В беллетристике и травелогах он практически не получил отражения. В народоведческих описаниях, популярной и учебной литературе характеристика внешних признаков и нрава третьего по численности восточнославянского народа давалась скупо, сравнение с двумя другими русскими «племенами» предпринималось редко. Отличительными чертами белорусов считались чрезвычайная бедность, необыкновенное трудолюбие, покорность судьбе и даже забитость (которую могли трактовать как кротость и смирение), а также недоверчивость, угрюмость и склонность к пьянству⁹. В соответствии с антропогеографической теорией эти свойства объяснялись длительным проживанием в неблагоприятных климатических условиях – в лесах и болотах, исторической и культурной изоляции, а также эксплуатацией этого народа иноконфессиональными «элементами» (поляками и евреями)¹⁰.

⁶ *Pauly Th. de. Description ethnographique des Peuples de la Russie.* Saint-Petersbourg, 1862. P. 69.

⁷ Левкиевская Е. Е. Стереотип украинца в русском сознании... С. 160.

⁸ Екельчик С. А. Человеческое тело и национальная мифология: Некоторые мотивы украинского национального возрождения XIX века // Изобретение империи: Языки и практики. М., 2011. С. 121–131.

⁹ См., например: Белорусы // Народы России: Живописный альбом. Вып. I–II. СПб., 1878. С. 46, 49.

¹⁰ Там же. С. 46–47, 61.

На протяжении полувека облик белоруса на этнографических рисунках практически не менялся. И в альбоме Г.-Т. Паули (1862)¹¹ (Рис. 1), и в «Живописном альбоме» (1878)¹², и в научных изданиях, и в сериях изображений «Народы России» (например, в одноименных сериях открыток Е. М. Бём и сытинском альбоме (1916)¹³) белорусы представляли в неизменных белых домотканых одеждах. В очерке из «Живописного альбома» говорилось: «Даже в одежде... цветом отличается белорус. Любимый цвет его белый: белый кожух, белая рубаха и штаны, белый полотняный пояс, белая юбка

Рис. 1. Белорусы
(Источник: *Pauly Theodor de. Description ethnographique des Peuples de la Russie. Saint-Petersbourg, 1862.*
Фрагмент)

у женщин, белый головной платок, белые онучи к его всегдашней обуви – лаптям – все это обыкновенные и любимые принадлежности летней и зимней, праздничной и будничной одежды белорусов»¹⁴. Региональное разнообразие не представлено вовсе. Характерным локальным типом, воплощавшим белорусский облик в целом, чаще оказывались жители Минской и Могилевской губерний.

В европейской этнографии начиная с середины XIX в. шел процесс установления региональных типов, «избираемых» в качестве репрезентантов всей нации или нациеобразующей этнической группы. Жители такого региона рассматривались как максимально полно сохраняющие и отражающие главные черты всего народа (антропологические (фенотип), «материальные» – в частности, костюм, и «духовные»). Почти всегда и диалект (говор) жителей данного ареала становился основой нормативного литературного языка. Такой «выбор» происходил в ходе нациестроительства не только в государствах и империях, но и у тех народов, которые не имели государственности. Если в России репрезентантами великорусскости до 1870-х гг.

считались жители девяти центральных великорусских губерний, то в конце века на это место стали «претендовать» великорусы Русского севера. Аналогичным образом типичными представителями малорусов в российском народоведении начиная с середины столетия признавались обитатели губерний Среднего Поднепровья. «Мы считаем характерными представителями малороссов, – подчеркивал автор вводной статьи в альбоме Г.-Т. Паули, – жителей Полтавской и Черниговской губерний, представляющих наиболее чистый тип»¹⁵. Поэтому в этнографических альбомах и описаниях внешность и костюмы обитателей именно этих губерний рассматривались как типично малороссийские.

¹¹ *Pauly Th. de. Description ethnographique...*

¹² Народы России: Живописный альбом. Вып. I–II. Славянские народы. СПб., 1878.

¹³ Народы России. М., 1916.

¹⁴ Белорусы... С. 46.

¹⁵ *Pauly Th. de. Description ethnographique...* Р. 69.

МАЛОРОССЫ / МАЛОРУСЫ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИЛЛУСТРАЦИЯХ

На этнографических рисунках 1860-х – 1880-х гг. стереотипные узнаваемые признаки малорусов – это, прежде всего, костюм и некоторые черты физического облика: дородность, правильные черты лица и его веселое выражение. Характерными атрибутами мужчин становятся усы определенной формы, а также высокие шапки и заправленные в сапоги широкие шаровары (как и в романтическом нарративном образе). На иллюстрациях были представлены, как правило, праздничные одежды и головные уборы женщин и девушек в костюмах центральной Малороссии – Полтавской, Киевской и отчасти Черниговской губерний. Обращают внимание такие элементы, как белая вышиванка, вышивка на подоле которой заметна, плахта в клетку, яркая запаска, а также всегда фиксируемые различия одеяний замужней женщины и девушки; у второй – венок из цветов с лентами на голове, неременный пояс, «черевички» (полусапожки) и характерные украшения – яркие бусы и монисто (Рис. 2). Часто малороссиянки изображались в короткой темной безрукавке (иногда вышитой) поверх рубашки, которую в некоторых этнографических описаниях малорусской женской одежды в XIX в. именуют «корсетом» или «гарсетом», хотя сегодня «гарсет» признается элементом белорусского традиционного женского костюма.

Рис. 2. Малороссы
(Источник: Народы России. Живописный альбом. Вып. I–II. Славянские народы. СПб., 1878. Фрагмент.)

Особенности и названия предметов малороссийского наряда встречаются в произведениях украинской литературы 1870-х – 1890-х гг. В повести И. С. Нечуй-Левицкого 1884 года даны подробнейшие характеристики внешности и одежды пяти персонажей, представлявших различные социальные и гендерные типы малорусов. Находим в повести и изображение девичьего праздничного (воскресного) наряда: «На Онисе была *плахта*, вытканная из шерсти пополам с шелком, небольшими квадратиками. Квадратики были затканы “жовтогорячим” шелком с белыми как серебро тонкими ободками; внизу качались круглые, величиною в волоский орех косточки, похожие на колокольчики. Красная, с синими и зелеными цветами *запаска* светилась как горящие уголья. Вышитый красными и синими цветами подол сорочки опускался на красивые сафьянные полусапожки. Ярко-синий шелковый *корсет* заткан был золотыми цветами. Но голове сиял целый венок цветов. Разноцветные ленты покрывали плечи ее до пояса, будто дождь цветов лился с головы по плечам. На шее красовалось роскошное в несколько *снурков* наместо с золотыми *дукачами*»¹⁶.

¹⁶ Нечуй-Левицкий И. С. Старосветские батюшка и матушка. Повесть из быта украинского духовенства 20-х гг. XIX ст. // Киевская старина. Год третий. 1884. Т. VIII. Январь. С. 94. – В журнальной публикации имеется пометка, что повесть печатается «в переложении на

Живописные полотна и рисунки на «МАЛОРОССИЙСКУЮ» ТЕМУ

Важную роль в складывании стереотипных визуальных образов Малороссии / Украины и ее жителей сыграли скульптурные и живописные произведения, а также журнальные и книжные иллюстрации (печатная графика). Один из «специализировавшихся» на малорусской теме художников – К. А. Трутовский (1826–1893), в многочисленных жанровых картинах 1860-х – 1890-х гг.¹⁷, рисунках, а также в иллюстрациях к произведениям Н. В. Гоголя и других авторов¹⁸ создал тот же лирично-идиллический образ прекрасной страны, сохраняющей свои обычаи и патриархальные нравы, что и в литературе первой половины столетия. Произведения Трутовского получили широкое распространение и огромную популярность благодаря тиражированию в литографиях на страницах иллюстрированных журналов 1880-х – 1890-х гг. Это, как правило, пасторальные сцены, характерные для более ранней живописи с «пейзанскими» мотивами (1810-х – 1830-х гг.), в том числе связанные с сюжетами народных песен или «жартов» – целая коллекция свиданий влюбленных, встреч у колодца или бесед у плетня (картины «Свидание», «У колодца», «У плетня») (см., например, Рис. 3).

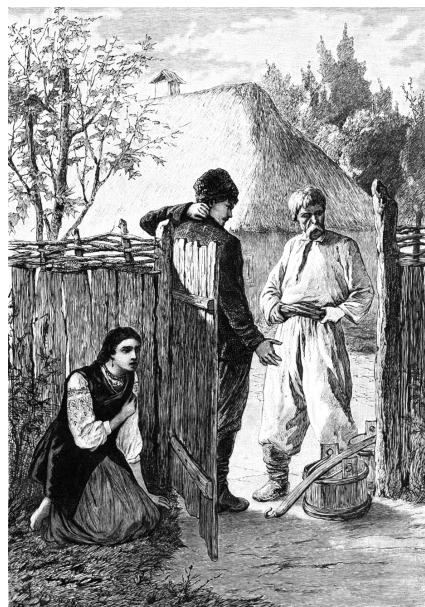

Рис. 3. К. А. Трутовский, грав. Флюгель. «Прерванное свидание» (Источник: «Нива». 1889. № 38. С. 941. Фрагмент.)

Особое место в иконографии этнических образов народов России занимали женские персонажи. Несмотря на появление портретов малороссиенок / украинок и ранее (например, у В. А. Тропинина), картины с соответствующими подписями («Украинка», «Украинская девушка». «Хохлушка» и т. п.) в 1880-е – 1900-е гг. становятся особенно многочисленными. На них изображены малороссийские красавицы. Трудно определить их социальную принадлежность, но они всегда одеты в крестьянские праздничные костюмы разных малороссийских губерний, хотя доминирует регион Среднего Поднепровья. Внимание художников сосредоточено на лицах и деталях красочных народных костюмов и, что характерно, именно девичьих (например: «Девушка-украинка» Н. Е. Рачкова; «Украинка

общерусский язык, с сохранением малорусского подлинника одних только диалогов» (Там же. С. 83).

¹⁷ Булгаков Ф. И. Трутовский Константин Александрович // Наши художники. Живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры на Академических выставках последнего 25-летия. СПб., 1890. В 2 т. Т. II (Л–Я). С. 210–215.

¹⁸ Например: Вечера на хуторе близ Диканьки: Иллюстрированное издание: В 4-х вып. / Художники К. А. Трутовский, В. Е. Маковский, И. М. Прянишников. М., 1874–1876. – О Трутовском как иллюстраторе: Иванова-Артюхова А. В. К. О. Трутовский-иллюстратор. Київ, 1929.

у плетня» (1875) И. Е. Репина; «Украинская девушка» (1879) В. Е. Маковского; «Украинка» И. И. Соколова; «Девушка-украинка» (1896) Х. П. Платонова; «Хохлушка» В. К. Измайловича (открытка) (Рис. 4), «Малороссиянка» (1908) и почти десяток портретов с названием «Хохлушка», «Девушка» Н. К. Пимоненко, и др.).

Столь же «узнаваема» и внешность юной девушки на выданье в повести И. С. Нечуя-Левицкого (1884): «две тонкие линии черных бровей были как бы выписованы на широком и высоком ее челе, и своими острыми концами уходили под нависшие над выпуклыми висками цветы. Из-под густых, стыдливо поднимавшихся ресниц светились черные как уголь, острые и блестящие глаза. Тонкий, с легким возвышением носик как бы светился насквозь, а маленькие темно-красные губы выступали вперед и слегка опускались вниз; цвет лица был несколько желтоват, но его освежал легкий, едва приметный румянец»¹⁹.

На портретах красавиц – стереотипный и узнаваемый набор атрибутов малороссиянки: вышиванка, венок с цветами и лентами, который надевается поверх заплетенных в одну косу волос, разноцветные пестрые бусы разной длины или мониста. В исследованиях, посвященных малороссийской теме в творчестве родившегося в Чугуеве Харьковской губернии И. Я. Репина, часто цитируются его слова из письма В. В. Стасову (1876): «Вы не поверите, как обворожительно одеваются дивчата, паробки тоже ловко: но это вовсе не та конфетность, пошлая, которую выдумывали Трутовский и прочие. Это действительно народный, удобный и грациозный костюм... А какие дукаты, монисты!! Головные повязки, цветы!! А какие лица!!! А какая речь!!! Просто прелесть, прелесть и прелесть!!!»²⁰. Трудно не обратить внимание в этом отрывке на критику Репиным Трутовского.

Известный художник Н. К. Пимоненко (1862–1912), автор многочисленных жанровых картин²¹, продолжил традиции передачи украинской темы, воплощаемые Трутовским. Значительная часть полотен Пимоненко написана на лирические сюжеты: возлюбленные («У колодца»), встречи («У плетня», «Свидание», «Прощание») и пр. Несмотря на иную стилистику (художник был передвижником), характерные, хотя без «конфетности», мотивы и, главное, стереотипные визуальные образы малорусов

Рис. 4. В. М. Измайлович. «Хохлушка». Открытка. Фрагмент (СПб.: Изд. «Ришар», нач. 1900-х гг.)

¹⁹ *Нечуй-Левицкий И. С.* Старосветские багюшка и матушка... С. 94.

²⁰ И. Е. Репин – В. В. Стасову. 11 ноября 1876 г. // Письма И. Е. Репина. И. Е. Репин и В. В. Стасов. Т. 1. 1871–1876 / Подгот. к печати и примеч. А. К. Лебедева и Г. К. Буровой; Под ред. А. К. Лебедева. В 3 т. Т. 1. 1871–1876. М.; Л., 1948. С. 142.

²¹ О нем см.: *Затенацкий Я. П.* Николай Корнилович Пимоненко: Жизнь и творчество. 1862–1912. Киев, 1955.

в его творчестве преобладают. Однако, обращается Пимоненко и к важным для нас «комическим сюжетам»²².

Пимоненко получил необыкновенную популярность благодаря шутливой картине «До дому» (1893; 1895)²³, позже она встречается также с названием «Домой» (Рис. 5). Сюжет был растиражирован на открытке и прославился из-за судебного процесса, связанного с ней. Об этом свидетельствует рассказ вдовы художника²⁴. По ее словам, в 1908–1909 гг. Пимоненко, живший в Киеве, получил от московских передвижников письмо, из которого узнал, что известная компания алкогольной продукции «Шустов и сыновья» разместила на этикетке своей наливки «Спотыкач» рисунок, ставший первоначально сюжетом открытки. Пимоненко подал судебный иск и выиграл дело. Однако рисунок продолжал неоднократно воспроизводиться на этикетках различных крепких напитков других фирм, в сувенирной и даже карамельной продукции и после смерти Пимоненко вплоть до середины 1920-х гг., закрепляя «комический» стереотип малорусов.

Большую роль в формировании визуальных образов малорусов играли иллюстрации к художественным произведениям «на малороссийскую тему» (прежде всего, Н. В. Гоголя и Г. Ф. Квитки-Основьяненко). В последней трети столетия вышло

Рис. 5. Н. К. Пимоненко. «До дому» (1893).
Открытка, 1910-е гг. Фрагмент

²² Примечательно, что «комическим, чисто хохлацким жанром» именовали многие его произведения критики. См., например: Н. К. Пимоненко // *Собко Н.П.* Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, граверов, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч. С древнейших времен до наших дней (IX–XIX вв.) (С 1867 по 1892 г. включит.). Т. 3. Вып. 1. П. СПб., 1899. Стб. 258.

²³ *Затенацкий Я. П.* Николай Корнилиевич Пимоненко... С. 42.

²⁴ *Затенацкий Я. П.* Николай Корнилиевич Пимоненко... С. 41–42.

в свет много изданий, над которыми в качестве иллюстраторов работали известнейшие художники²⁵. Если не привязывать рисунки к цитатам напрямую, то отчетливо

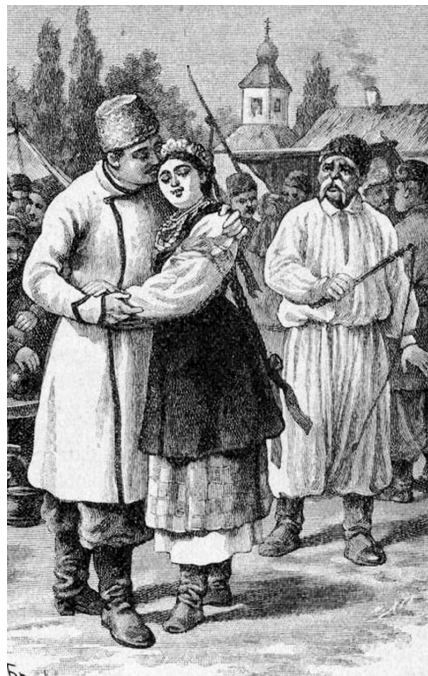

Рис. 6. К. О. Брожа.
Сорочинская ярмарка, 1902
(Источник: Сочинения Н. В. Гоголя:
Полн. собр. в 1 т. /
Под ред. П. В. Смирновского. М., 1907.
Фрагмент.)

прослеживается два наиболее типичных для визуального отражения малороссийской темы сюжета: лирически-любовный, как у Трутовского, и «комический», как у Пимоненко, которые воспроизводят сложившиеся стереотипные образы. Примером могут служить иллюстрации художника К. О. Брожа²⁶ (Рис. 6).

«РУССКИЕ ТИПЫ» В МАССОВОЙ ПРОДУКЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Важную роль в формировании этнических стереотипов народов Империи начиная с 1890-х гг. играла рекламная продукция, активно эксплуатировавшая яркие костюмные образы различных этнических групп, так как этнографический экзотизм был бесспорно привлекательным для массового потребителя. Малороссыяне и в особенности малороссыянки изображались на плакатах очень часто – как на общих рисунках, среди счастливых покупателей рекламируемой продукции из различных сословий и народов Империи, так и в качестве самостоятельного, главного образа на афишах (например, в рекламе пиво-медоваренной продукции Калининского Товарищества или сепаратора «Дания» русско-шведского торгово-промышленного Товарищества (1900-е гг.)). На рубеже столетий окончательно сложился визуальный стереотип малороссийского девичьего костюмного образа с элементами праздничного наряда Черниговской, Полтавской и Киевской губерний. Потому малороссыянок легко можно идентифицировать по характерным деталям обобщенного костюма, прежде всего — по вышиванке, плахте, венку с лентами, бусам и монистам. Белорусов на плакатах рекламы и афишах мы не встретим.

Примером масштабной популяризации визуальных этнических стереотипов стала рекламная стратегия фабрики швейных машинок «Зингер», открывшей свое представительство в Российской империи в 1898 году, а в 1902 г. – фабрику в Подольске. В начале

Примером масштабной популяризации визуальных этнических стереотипов стала рекламная стратегия фабрики швейных машинок «Зингер», открывшей свое представительство в Российской империи в 1898 году, а в 1902 г. – фабрику в Подольске. В начале

²⁵ См., например: Вечера на хуторе близ Диканьки: Илл. изд. / [Худ.:] К. А. Трутовский, В. Е. Маковский, И. М. Прянишников. М., 1874–1876. В 4-х вып. – См.: *Иванова-Артюхова А. В.* Иллюстраторы М. В. Гоголя. Київ, 1927; *Динцес Л. А.* Дореволюционная иллюстрация // Динцес Л. А., Корнилов П. Е. Герои Гоголя в искусстве. Л., 1935. С. 3–36.

²⁶ Сочинения Н. В. Гоголя: Полн. собр. в 1 т. / Под ред. П. В. Смирновского и с сост. им же биограф. очерком Гоголя, с его портр. и 240 оригинал. рис. илл. К. О. Брожа, А. А. Чикина, М. Т. Михайлова и др. М., 1902.

XX века на рекламных афишах, открытках, календарях фирмы изображались представители более 30 народов и региональных групп Российской империи. Малороссияне, и в первую очередь малороссиянки, по количеству уступали только великорусским «репрезентантам» и были легко узнаваемы без подписи (Рис. 7). Белорусов на плакатах Зингера нет.

В начале XX в. большую популярность приобрели серии открыток «Русские типы» – как рисованные, так и фотографические, на которых были представлены костюмные типажи или жанровые сценки из жизни великорусов и малорусов. Открытки с изображениями малорусов могли входить в серию «Русские типы», или же отмечаться как «Малороссийские типы». Неверно расценивать эти изображения как этнические. Некоторые фототипажи были безупречны с этнографической точки зрения, будучи копиями фотографий, сделанных с научными целями²⁷. В 1900-е гг. вошли в моду раскрашенные фотографии «народов» на почтовых открытках; они были постановочными, лишь имитируя этнографические типы.

Образы народов (этнических и региональных групп) Российской империи в традиционной одежде в начале XX в. были настолько популярны, что тиражировались серийно, их печатали по заказу многих крупных производителей²⁸. Изображения великорусов и малорусов входили в них всегда, а вот белорусы включались в них реже. В серии открыток Е. М. Бём 1900-х гг. «Народы России» мы находим представителей четырех славянских народов – в том числе белорусов и малорусов. Типичные костюмы тех и других на мальчиках и девочках дополнены «поговорками», которые размещены вместе с подписью на самом рисунке. Они также призваны обозначить стереотипы – «белизну», ассоциируемую с белорусами (Белорусы: «Каковы уродились – таковы и есть. Кто кому миленок – и не умыт беленок»), «цветы» и «венок» – с малорусами (Малороссы: «Туда, туда всем сердцем я стремлюся, где из цветов венок плетет Маруся»).

Рис. 7. Плакат Компании «Зингер». Таблица умножения. 1904. (Источник: Коллекция Российской государственной библиотеки. Фрагмент.)

²⁷ См., например: Народы Российской империи на открытках: Илл. каталог / Автор-сост. О. А. Чистякова, Ю. Б. Разин. Иваново, 2014. С. 108–118, 151–157.

²⁸ Об этом см.: Михайлова Н. Этнографические сюжеты в произведениях печатной графики на рубеже XIX–XX веков: От «высокой» культуры к «популярному народоведению» // НЛЮ. 2019. № 2 (156). С. 107–124.

**ПЕРСОНИФИКАЦИИ МАЛУРУСОВ И БЕЛУРУСОВ
В АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ РОССИИ И НАРОДОВ ИМПЕРИИ**

Аллегорические изображения народов Российской империи, призванные в символической форме отразить сосуществование многочисленных этносов и конфессий, становятся частотными в 1870-е – 1880-е гг. Концепта «дружбы народов» в них, разумеется, еще нет, хотя определение славянских народов как «семьи» с «братскими» отношениями встречалось довольно часто начиная с 1830-х гг.²⁹

Представители различных этноконфессиональных групп Империи в праздничных костюмах и с характерными атрибутами хозяйственной деятельности объединены, как правило, визуализируемой идеей общего благосостояния под державным скипетром; с ними рядом могли изображаться и сословно-профессиональные типы. Эти визуальные источники (хотя их не очень много) позволяют реконструировать формы репрезентации иерархии народов Российской империи во второй половине столетия³⁰.

Рис. 8. М. О. Микешин. Эскиз памятника Богдану Хмельницкому
(Источник: Нива. 1870. № 39. С. 615. Фрагмент.)

²⁹ Масненко В. Мифологема «братских народов» как идеальная модель русско-украинских отношений в советской / российской историографии // *Studia historica gedanensia*. 2018. Т. IX. С. 183–188. – Как относимое к восточнославянским народам («отраслям» «русского племени») лексема «братский» появляется в последней трети столетия, однако не функционирует как концепт.

³⁰ Одной из не утративших значимость работ, ставящей целью реконструировать иерархию народов Российской империи, и, в частности, место в ней малорусов / украинцев, остается

В центре групповых рисунков всегда находятся великорусы и малорусы в крестьянском облике, они, в отличие от других, имеют своих представителей в «славянской» части. Иногда к ним присоединяются белорусы и донские и кубанские казаки. Однако,

Рис. 9. Композиция К. О. Брож, грав. Э. Даммиюллер (Источник: «Всемирная иллюстрация», 1877. 1 января. Обложка номера. Фрагмент.)

находясь в смысловом центре композиции или посередине картины (рекламы, рисунка), великорусы и малорусы представлены в равных позициях.

Такие визуальные обобщенные типы-персонафикации восточнославянских «племен» встречаются до конца столетия прежде всего в ряду множества других репрезентантов сословных и этнических групп. Но есть и исключения. В частности, несколько различных по жанру произведений М. О. Микешина. Упомянем два из них. Первое – нереализованный проект памятника Богдану Хмельницкому (1869), эскиз которого был опубликован на страницах журнала «Нива» (1870) (Рис. 8), а более поздний, измененный вариант (на котором не пять персонажей, а всего три) в виде макета находится сейчас в Русском музее. На проекте памятника у пьедестала расположена группа из пяти мужских фигур: в соответствии с описанием

автора, игру малороссийского кобзаря (в центре) слушают представители славянских народностей: белорус и великоросс (слева от кобзаря), малоросс и червонорусс (справа от него). На акварели М. О. Микешина («Коронация Александра III, 1881) с аллегорией Российской империи в женском облике (в центре) репрезентантами «триединого русского народа» выступают также узнаваемые по прическам и одеждам представители великорусов и малорусов – это мужчины и девушки, а также, вероятно, белорус.

В центре аллегорической композиции К. О. Брож на обложке журнала «Всемирная иллюстрация» (1877) – персонафикация России-Империи в феминной ипостаси, которую окружают разные народы российского государства (Рис. 9). Малорус и великорус изображены в центре, на переднем плане рисунка, спиной к зрителю. Это, как обычно, крестьяне, но не в праздничных, а в повседневных одеждах. Вероятно, белорус – справа, его обычно трудно отличить от литовского и русского крестьянина, а на этом изображении он в характерном для поляков головном уборе («конфедератке»), однако сам сюжет

статья А. Каппелера: *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: Украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: История взаимоотношений / Отв. ред. А. И. Миллер и др. М., 1997. С. 125–144.

картины, посвященной освобождению славян, позволяет интерпретировать его все же как православного славянина-белоруса.

Более поздним и уникальным является изображение на открытке-плакате художника Д. Шарاپова «Разумейте языцы, яко с нами Бог!». Точная дата создания сюжета неизвестна, в Российской национальной библиотеке его датируют периодом между 1914 и 1917 гг. На плакате представлена не просто аллегория трех «ветвей» русского народа, а три отдельные феминные персонификации великорусов, малорусов и белорусов на фоне национального российского триколора. Как видим, типичные и узнаваемые элементы белорусского женского образа – в отличие от малорусского, еще не сложились: одеяния белоруски не такие, как раньше (она в темном кунтуше с характерными для него разрезанными, свисающими рукавами). Но главным идентифицирующим атрибутом становится головной убор с небольшой кокардой. На первый взгляд это конфедератка – мужской польский головной убор с четырехугольным верхом, в котором изображались обычно мужчины-поляки, прежде всего шляхтичи или «малопольские типы». Однако Шарапov был, вероятно, осведомлен о своеобразии женских белорусских головных уборов. Так, в одном из этнографических очерков о белорусах указывалось: «Собственно белорусским женщинам принадлежит употребляющийся в Полесье убор, называемый *головой* и напоминающий формой кивер улан, который обвивается сверху весьма затейливо сарпанкой, то есть тонким гладким куском полотна»³¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, визуальные этнические образы малорусов (украинцев) и белорусов второй половины XIX – начала XX в., во-первых, проявляют явные черты стереотипности, анализ которых показывает их соответствие этнокультурным характеристикам этих групп, сложившимся к середине XIX столетия, и продолжавшим функционировать как в научно-популярной, так и в художественной литературе в пореформенное время. Во-вторых, в количественном отношении визуальные репрезентации украинцев значительно преобладают, вызывают больший интерес, вследствие чего комплекс их узнаваемых примет и атрибутов к началу XX в. уже вполне определился, в отличие от стереотипного образа белоруса в вербальных и визуальных нарративах этого времени. В-третьих, значительное влияние на эти образы оказали идеи «народности» в широком смысле, которые были тесно связаны с интересом к крестьянству, его социальному положению, истории и этнографизму.

В заключение обозначим вопросы, касающиеся интерпретации представленных визуальных стереотипов и нуждающиеся в дальнейшем исследовании. Главной является проблема точной этнической идентификации изображаемых типов с точки зрения современных классификаций. Ведь используемые в подписях этнонимы, совпадающие с современными номинациями, далеко не всегда подразумевают ту же общность – во второй половине XIX в., «украинцами», например, могли именовать жителей только Слободской Украины, или всех жителей Малороссии, по-разному трактуя даже сами эти топонимы. Определение «русский» / «русские» в эту эпоху также многозначно. Применительно к нашему материалу это отражено в названии фотографической серии «Русские типы», в которой были представлены и украинцы,

³¹ Белорусы... С. 46.

и белорусы. С другой стороны, в одноименной серии изображений более раннего периода «русские типы» – это профессионально-сословные типажи Петербурга. Это касается не только восточнославянских народов, ошибки современной интерпретации возникают и при атрибутировании этничности на основании отождествления «само-едов», «тагар» или «финнов» в текстах XIX века с современными обозначениями, в то время как они не всегда совпадают с научными таксономиями разных исторических периодов.

Как известно, в XIX веке в народоведении доминировало убеждение, согласно которому определение (идентификация) рассматриваемого и описываемого этнического объекта осуществляется извне, на основании внешнепризнаковых критериев (язык, фенотип, одежда, конфессиональная принадлежность, обычаи и др.); вопрос о самоопределении (за исключением фиксации эндонима группы) до определенного момента не поднимался. В пореформенное время, начиная с 1870-х гг., в ходе обсуждения методики участвовавших локальных переписей, а также с развитием новых антропологических теорий и научно-критической рефлексии, формируется убежденность в том, что основанием идентификации должно служить самоопределение индивида.

Однако доминировавшее представление о главенстве внешней идентификации порождало множество ошибок, неверных интерпретаций, основанных на доверии к первичной информации, поэтому утверждения современников всегда необходимо верифицировать. Еще сложнее установить критерии выбора этнических признаков, рассматривая обобщенные типичные образы представителей региональных групп, когда именно на художника, а не на ученого, возлагалась задача их «создания». Подпись вовсе могла не быть эндонимом, так как неизвестна самоидентификация конкретных типажей, она могла быть основана на *знаниях* автора.

Целый ряд проблем порожден трудностями выявления такой позиции. Если в этнографических описаниях мы можем проанализировать авторские этнонимы, топонимы, комментарии к ним, воссоздать логику рассуждений и учесть косвенные оценочные суждения, то в визуальных изображениях мы таких методических возможностей лишены. Как сам автор рисунка определял, например, изображаемого им человека? Как представителя белорусов / малорусов? Как крестьянина вообще? Как русского крестьянина? Или его больше интересовала красота старинного праздничного костюма?

Эти же сложности возникают и тогда, когда мы имеем дело с авторами – малорусами по рождению и воспитанию. Художники, считавшие себя таковыми, или же имевшие украинофильские взгляды, вкладывали в такие этнографические образы иные, патриотические, смыслы, которые определялись оппозицией «свой / чужой» как «украинец / москаль» – так считают некоторые современные украинские исследователи. Как, впрочем, и советские авторы, некоторые склонны интерпретировать взгляд художников украинского и белорусского происхождения именно таким образом: многие упомянутые в статье художники на протяжении почти двух столетий получали в историографии различные этнические определения, именуясь «российскими», «русскими», «украинскими», «русско-украинскими». Но не является ли это переносом современных представлений о национальной идентичности на механизмы самоидентификации позапрошлого столетия? Всегда ли интерес к крестьянской культуре, восхищение ею или отождествление себя с ней в период формирования национализмов, отказ от иной, имперской идентичности?

Изображение крестьянского быта не всегда трактовалось с национально-патриотической или социально-обличительной точки зрения, особенно с конца 1880-х гг., когда с распадом традиционного уклада крестьянская дореформенная жизнь воспринималась в патриархально-идиллическом ключе. И малороссийские реалии вполне позволяли представить такие мотивы не только в национальном, но и в «общерусском» смысле.

Особенно сложно выявить в визуальных текстах культуры содержание оппозиции «свой / чужой» в отношениях между частями «триединого народа» — в первую очередь потому, что трудно найти адекватный метод отделения «русскости» от «великорусскости». Они не были идентичны, но часто, особенно с 1880-х гг., терминологически отождествлялись. В статье С. Екельчика было показано, какую роль играли представления о национальном наследии (казацком и крестьянском) в поисках украинской самоидентификации во второй половине XIX века: примеряемые патриотической интеллигенцией образы – в первую очередь костюмные – соотносились с этими вариантами трактовки³². Элементы крестьянского наряда, даже выявленные на основании этнографических исследований, в результате их воспроизведения, как и всякое воплощение обобщенно-типичного, все же не могли быть аутентичными по разным причинам, однако, что интересно, воспроизводили визуальные стереотипы малорусов в российской массовой культуре.

Были ли для передвижников сюжеты с изображением этнографически точных деталей малороссийского или белорусского пейзажа, крестьянского костюма и быта выражением патриотизма и национальных чувств? На этот вопрос могут ответить только источники личного происхождения. Но всегда ли реалистическое изображение народной жизни имеет именно этнонациональный подтекст?

Если принять отнесение авторов-художников к белорусам и украинцам, то, выходит, мы имеем дело с украинским или белорусским *автостереотипом*, который, получается, был привнесен в русское / великорусское общество «извне». Если же автор принадлежал к русской («общерусской») культуре, то неясно, выступали ли для него крестьянские типы малорусов и белорусов в качестве этнонациональных, региональных, сословных или гендерных вариаций «своих» («общерусских»)? Вероятнее всего, результаты могла бы дать попытка выявления не единственной этнонациональной идентификации, а комплекса, иерархии различных идентификаций, их изменения и актуализации в зависимости от социального и художественного контекстов.

Наконец, нет пока однозначного ответа на вопрос о том, как точно выявить интерпретацию позиции восточнославянских групп в символической иерархии народов Российской империи и в триедином русском народе до складывания концепции «нерушимой дружбы трех братских народов» – ведь количество визуальных массовых источников дореволюционного периода, в которых эта идеологема братства нашла свое отражение, меньше, чем в советскую эпоху. Однако при рассмотрении значительного комплекса таких визуальных источников возможно выявить воплощение в них позиций различных этноконфессиональных групп.

³² Екельчик С. Человеческое тело...

Информация о статье:

Автор: Лескинен, Мария Войттовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения, Российская Академия наук, Москва, Россия, Orc ID 0000-0002-7638-507X, Scopus ID 57213197708, Researcher ID C-1075-2018; e-mail: marles70@mail.ru

Заголовок: Этнокультурные стереотипы малорусов и белорусов в визуальных текстах российской культуры второй половины XIX в.: Проблемы интерпретации

Резюме: В статье проанализирован ряд визуальных изображений малорусов (украинцев) и белорусов, которые были адресованы широким кругам российского общества 1860-х – 1900-х гг., формируя стереотипные представления о народах Российской империи и о русском народе в частности. Автор обращается к произведениям, доступным и востребованным, прежде всего, массовой аудиторией (жанровые полотна, книжные иллюстрации, журнальные литографии, рекламы, афиши, открытки). Совокупность визуальных образов интерпретирована в контексте трансформации этнокультурных стереотипов малорусов (украинцев) и белорусов в вербальной культуре XIX в., складывавшихся под влиянием известных беллетристических произведений на «малороссийскую тему», научных и научно-популярных описаний, очерков, учебной литературы. В статье рассмотрены некоторые методологические проблемы, с которыми сталкиваются исследователи стереотипов двух русских «племен» («ветвей») в период господства концепции триединого народа и имперского нацистроительства, а также в процессе складывания этнографии как научной дисциплины. Трудности интерпретации визуальных этнических образов обусловлены также различием трактовок истории украинской и белорусской идентичности и национальных движений в Российской империи XIX века. В частности, украинская советская и современная историография относит многих авторов визуальных этнических образов к пантеону деятелей украинской национальной культуры, в то время как критерии подобной идентификации часто противоречивы. При этом оказывается, что традиционный стереотип «другого» в российской научной традиции (гетеростереотип малорусов / украинцев) является их автостереотипом. Если же исходить из того, что создатели изображений принадлежали к русской («общерусской») культуре, то возникает вопрос, как они сами воспринимали создаваемые образы малорусов и белорусов: как «своих» или как «других», как этнические типажи или как воплощение региональных или гендерных вариаций «народности русской», создавали ли крестьянские типажи в контексте популярных народнических идей и моды на этнографизм?

Ключевые слова: визуализация этничности, этнокультурные стереотипы, Российская империя, малорусы, украинцы, белорусы, национальная имагология, популярная культура, идентичность, этничность

Литература, использованная в статье:

Васильева, Татьяна Александровна. У истоков украинофильства: Образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX в.: Дисс. на соискание степени кандидата филологических наук. Томск, 2014. 232 с.

Вишленкова, Елена Анатольевна. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.

Гайда, Федор Александрович. «Украинцы»: История происхождения и употребления понятия // Гайда Ф.А. Грани и рубежи: Понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. Москва: Модест Колеров, 2019. С. 9–100.

Екельчик, Сергей Александрович. Человеческое тело и национальная мифология: Некоторые мотивы украинского национального возрождения XIX века // Изобретение империи: Языки и практики. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. С. 119–151.

Каптелер, Андреас. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: История взаимоотношений / Отв. ред. А. И. Миллер и др. Москва: «Языки русской культуры», 1997. С. 125–144.

Киселев, Виталий Сергеевич; Васильева, Татьяна Александровна. «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: Конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII – начала XIX в. // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. С. 478–517.

Котенко, Антон Леонидович; Мартынюк, Ольга Владимировна; Миллер, Алексей Ильич. Малоросс // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / Под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле: В 2 т. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. Т. II. С. 392–443.

Левкиевская, Елена Евгеньевна. Стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: Образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии / Под ред. Е. Ю. Борисенко, С. С. Лукашовой. Москва: Институт славяноведения, 2008. С. 154–176.

Лескинен, Мария Войттовна. «Малороссийская народность» в российской науке второй половины XIX в.: Проблемы этнографического описания // Русские об Украине и украинцах / Отв. ред. Е. Ю. Борисенко. Санкт-Петербург: Алетейя, 2012. С. 244–283.

Лескинен, Мария Войттовна. «Южноруссы», «малороссияне», «малороссы», «украинцы» в российском этногеографическом дискурсе XIX века // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, в публицистике и литературе / Ред. Е. Ю. Борисенко, М. Э. Клопова, М. В. Лескинен. Москва; Санкт-Петербург: Институт славяноведения; Нестор-История, 2016. С. 77–192.

Лескинен, Мария Войттовна. Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины XIX в. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа // Украина и украинцы: Образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии / Под ред. Е. Ю. Борисенко, С. С. Лукашовой. Москва: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 67–94.

Маслійчук, Володимир. Від України до Малоросії. Регіональні назви та національна історія // Україна. Процеси націотворення / Упор. А. Каппелер, пер. з нім. Київ: К.І.С., 2011. С. 229–245.

Масненко, Виталий Васильевич. Мифологема «братских народов» как идеальная модель русско-украинских отношений в советской / российской историографии // *Studia historica gedanensia*. 2018. Т. IX. С. 183–207.

Михайлова, Наталья. Этнографические сюжеты в произведениях печатной графики на рубеже XIX–XX веков: От «высокой» культуры к «популярному народоведению» // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 (156). С. 107–124.

Рябчук, Микола. Русский Робинзон и украинский Пятница: Особенности «асимметричных отношений» // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. С. 447–478.

Толочко, Алексей Петрович. Россия «открывает Украину» // Толочко А. П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев: Laurus, 2012. С. 47–134.

Information about the article

Author: Leskinen, Maria Voittovna – Dr. Sc. in History, Leading Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Orc ID 0000-0002-7638-507X, Scopus ID 57213197708, Researcher ID C-1075-2018; e-mail: marles70@mail.ru

Title: Ethnic stereotypes of the Ukrainians (Little Russians) and Belarusians (Belorussians) in the visual texts in Russian culture in the second half of the 19th century: Issues of interpretations

Summary: The article analyzes a number of visual representations of «Little Russians» / «Malorusy» (Ukrainians) and Belarusians («Belorussians» / «White Russians»), which were addressed to a wide range of Russian society in the 1860s – 1900s and which were formed under the influence of literature, scientific and popular ethnographies descriptions and text-books. These visual texts were creating the stereotypical images of peoples / nations (so as of the Russian people) in mass consciousness the Russian Empire. The works that are accessible primarily by the mass audience (genre canvases, book illustrations, magazine lithographs, advertisements, posters, postcards etc) are analyzed in context of ethnic stereotypes (of «Little Russians» / «Malorusy» (Ukrainians) and of «Belorussians» / «White Russians» (Belarusians)) reflections. The author is considered some methodological problems deals with stereotypes' researching in the field of the identification of «the Russian people» as the unity of Great Russians, Little Russians and White Russians during imperial nation-building. Complications of interpreting visual ethnic images are also due to the differences of discourse of the Ukrainian and Belarusian identities history and national movements in the Russian Empire of the 19th century. In particular, Ukrainian Soviet and modern historiography considers many artists to the pantheon of national culture. But if we accept such attributions, it turns out that stereotypes of the «others» (the heterostereotypes of Little Russians / Ukrainians) turns out to be their auto stereotypes. If we proceed from the assumptions that the creators of the images belonged to the Russian («all-Russian») culture, the questions arise did they interpret them as specifically ethnic, or as the embodiment of regional / gender or only the social (the peasant) variations?

Keywords: visualization of ethnicity, ethnic and cultural stereotypes, Russian Empire, Ukrainians, «Malorussy», «Little Russians», Belarusians, «Belorussians», «White Russians», national imagology, popular culture, identity, ethnicity

References:

- Gayda, Fedor Aleksandrovich. «Ukraincy»: Istorija proishozhdenija i upotreblenija poniatija [The «Ukrainians»: the concept's origin and history of using], in Gayda, Fedor Aleksandrovich. *Grani i rubezhy: Poniatija «Ukraina» i «Ukraincy» v ih istoricheskom razvittii* [Facets and frontiers: the concepts of «Ukraine» and «Ukrainians» in their historical development]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2019. Pp. 9–100. (in Russian).
- Kappeler, Andreas. Mazepincy, malorossy, hohly: Ukraincy v etnicheskoj ierarhii Rossijskoj imperii [Mazepians, Malorossians, khokhlies: Ukrainians in the Russian Empire's ethnic hierarchy], in *Rossija – Ukraina: Istorija vzaimootnoshenij* [Russia – Ukraine: history of relations]. Ed. by A. I. Miller, etc. Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury» Publ., 1997. Pp. 125–144. (in Russian).
- Kiselev, Vitaliy Sergeevich; Vasilyeva, Tatyana Aleksandrovna. «Strannoe politicheskoe sonnishhe» ili «narod, poyushhij i plyashushchij»: Konstruirovaniye obraza Ukrainy v russkoj slovesnosti kontca XVIII – nachala XIX v. [«A strange political crowd» or «the people singing and dancing»: Constructing of the image of Ukraine in Russian literature of the late XVIII – early XIX cent.], in *Tam, vnutri: Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoj istorii Rossii* [The practice of internal colonization in the cultural history of Russia]. Ed. by A. Etkind, D. Uffelman, I. Kukulin. Moscow: NLO Publ., 2012. Pp. 478–517. (in Russian).
- Kotenko, Anton Leonidovich; Martynyuk, Ol'ga Vladimirovna; Miller, Aleksey Ilyich. Maloross [Maloross / Little Russian], in *Ponyatiya o Rossii: K istoricheskoj semantike imperskogo perioda* [«Notions about Russia»: Towards the historical semantics and political ideas in the Imperial period]. Ed. by A. Miller, D. Sdvizhkov, I. Shirle. Vol. I–II. Moscow: NLO Publ., 2012. Vol. II. Pp. 392–443. (in Russian).
- Leskinen, Marija Vojttovna. «Malorossiyskaya narodnost'» v rossijskoj nauke vtoroy poloviny XIX v. Problemy etnograficheskogo opisaniya, in [«Little Russian's Nationality» in Russian science of the second half of the XIX century. Questions of ethnographic description], in *Russkie ob Ukraine i ukraincah* [The Russians about Ukraine and Ukrainians]. Ed. by E. Ju. Borisenok. Sankt-Peterburg: Aleteya Publ., 2012. Pp. 244–283 (in Russian).
- Leskinen, Marija Vojttovna. Ponjatie «nрав народа» v rossijskoj etnografii vtoroy poloviny XIX v. Opisanie malorossa v nauchno-populyarnoy literature i problema stereotipa [The concept of «the national temper» in Russian ethnography of the second half of the XIX century: Description of Little Russian in popular literature and the problem of stereotype], in *Ukraina i ukraincy: Obrazy, predstavleniya, stereotypy: Russkiye i ukraincy vo vzaimnom obshhenii i vospriyatii* [The Ukraine and the Ukrainians: Images, representations, stereotypes. Russians and Ukrainians in mutual communication and perception]. Ed. by E. Ju. Borisenok, S. S. Lukashova. Moscow: Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences Press, 2008. Pp. 67–94. (in Russian).
- Leskinen, Mariya Vojttovna. «Juzhnorussy», «malorossiyanе», «malorossy», «ukraincy» v rossijskom etnogeograficheskom diskurse XIX veka [«South Russians», «Little Russians», «Ukrainians» in the Russian ethnogeographic discourse of the XIX century], in *Imya naroda: Ukraina i ee naseleniye v oficial'nyh i nauchnyh terminah, v publicistike i literature* [The Name of the people: The Ukraine and its population in official and scientific terms, in journalism and fine literature]. Ed. by E. Ju. Borisenok, M. E. Klopova, M. V. Leskinen. Moscow; St Petersburg: Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Science Press; Nestor-Istoriya Publ., 2016. Pp. 77–192 (in Russian).
- Levkievskaya, Elena Evgenyevna. Stereotip ukrainca v russkom soznanii [The stereotype of a Ukrainian in the Russian mind], in *Ukraina i ukraincy: Obrazy, predstavleniya, stereotypy. Russkiye i ukraincy vo vzaimnom obshhenii i vospriyatii* [The Ukraine and the Ukrainians: Images, representations, stereotypes. Russians and Ukrainians in mutual communication and perception]. Ed. by E. Ju. Borisenok, S. S. Lukashova. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS Press, 2008. Pp. 154–176. (in Russian).
- Maslychuk, Volodimir. «Vid Ukrainy do Malorossii». Regional'ni nazvi i nacional'na istoriya [«From Ukraine to Malorussia». The regional titles and national history], in *Ukraina: Protsesi natsiotvorenniya* [Ukraine: Nation-Building Processes]. Ed. by A. Kappeler. Kiev: K.I.S. Publ., 2011. Pp. 229–245. (in Ukrainian).
- Masnenko, Vitaliy Vasilyevich. Mifologema «bratskih narodov» kak ideal'naya model' rusko-ukrainskih otnoshenij v sovetskoj / rossijskoj istoriografii [The mythologeme of «fraternal peoples» as an ideal model

of Russian-Ukrainian relations in Soviet / Russian Historiography], in *Studia Historica Gedanensia*. 2018. T. IX. Pp. 183–207. (in Russian).

Mihaylova, Natalya. Etnograficheskie syuzhety v proizvedeniyah pechatnoy grafiki na rubezhe XIX–XX vekov: Ot «vysokoy» kul'tury k «populyarnomu narodovedeniyu» [The ethnographic subjects in the printed graphics' works at the turn of the XIX–XX cent.: From «high» culture to «popular folk studies»], in *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2019. № 2 (156). Pp. 107–124. (in Russian).

Ryabchuk, Mykola. Russkiy Robinzon i ukrainskiy Pyatnica: Osobennosti «asimmetrichnyh otnosheniy» [Russian Robinson and Ukrainian Friday: Features of «asymmetric relations»], in *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [The practice of internal colonization in the cultural history of Russia]. Ed by A. Etkind, D. Uffelman, I. Kukulin. Moscow: NLO Publ, 2012. Pp. 447–478. (in Russian).

Tolochko, Aleksey Petrovich. Rossiya «otkryvajet» Ukrainu [The Russia «discovering» Ukraine], in Tolochko, A. P. *Kiyevskaya Rus' i Malorossiya v XIX veke* [Kievan Rus' and Malorussia in XIX cent.]. Kiev: Laurus Publ., 2012. Pp. 47–134. (in Russian).

Vasilyeva, Tatyana Aleksandrovna. *U istokov ukrainofil'stva: Obraz Ukrainy v rossiyskoy slovesnosti kontsa XVIII – pervoy chetverti XIX veka* [At the origins of Ukrainophilia: The image of Ukraine in Russian literature of the late XVIII – first quarter of the XIX century]: PhD in Philology. Tomsk, 2014. 232 p. (in Russian).

Vishlenkova, Elena Anatolyevna. *Vizual'noe narodovedeniye imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu»* [Visual Etnology of the Russian Empire or «Not everyone is able to see the Russian»]. Moscow: NLO Publ., 2011. 384 p. (in Russian).

Yekelchyk, Serhy. Chelovecheskoye telo i nacional'naya mifologiya: Nekotorye motivy ukrainskogo natsional'nogo vozrozhdeniya XIX veka [The semiotics of the body and the national mythology in the Ukrainian National Revival], in *Izobreteniyе imperii: Yazyki i praktiki* [The Invention of Empire: Languages and Practices]. Moscow: NLO Publ., 2011. Pp. 119–151. (in Russian).